

УДК: 392.123: 343.622: 908(470)

ДЕТОУБИЙСТВО КАК ТИПИЧНОЕ ЖЕНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. НА МАТЕРИАЛАХ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

А. П. Богомаз

Тверской государственный университет,
кафедра отечественной истории, г. Тверь

В статье выявляются основные мотивы преступлений женщин-детоубийцы на территории Тверской губернии в конце XIX–начале XX вв. а также их субъективные и объективные причин.

Ключевые слова: *детоубийство, женская преступность, Тверская губерния, дореволюционная Россия.*

Во второй половине XIX в. на страницах специализированных изданий стали появляться статьи медиков и юристов, которые обращали внимание общества на участвовавшие случаи детоубийств и плодизгнаний, а также на исследование причин, по которым женщины-матери все чаще стали совершать эти преступления².

Их интересовала не только и не столько «профессиональная» составляющая (для юристов – правовая, для медиков – физиологическая), сколько морально-этическая³. Они искали мотивы и факторы, влияющие на это явление, используя арсенал своих профессиональных знаний, а также знания и методы зарождающейся психиатрии. Примечательно, что специалисты разных областей, с применением различных методов исследований приходили к схожим выводам относительно спектра причин, порождаю-

---

¹ Рецензент – научный руководитель, докт. ист. наук, профессор Т. Г. Леонтьева.

² Юридический вестник; Вестник психологии, криминальной антропологии и гипноза; Журнал Министерства юстиции; Вестник общественной гигиены, судебной и криминологической медицины.

³ Любавский А. Д. О детоубийстве // Юридический вестник. М., 1863. № 7; Гернет М. Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911; Фукс Н. Проблема преступности плодизгнания. Уголовно-социологический этюд. Харьков, 1910; Линденберг В. Г. Материалы к вопросу о детоубийстве в Витебской губернии. Дисс... докт... мед. наук, Юрьев, 1910; Жуковский А. Детоубийство в Полтавской губернии и предотвращение его // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 3, отд. 2.; Грегор А. В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодизгнании по данным Варшавского окружного суда за 20 лет (1885–1905 гг.). Дисс... докт... мед. наук. Варшава, 1908; Русских Н. А. Детоморки // Вестник воспитания. 1897. № 3; Глебовский С. Детоубийство в Лифляндской губернии // Вестник общественной гигиены, судебной и криминологической медицины. 1904. № 9–10; Добротворский Н. Убийство матерью своего ребенка // Вопросы нервно-психологической медицины. 1905. № 1.

щих этот вид преступности. Наиболее важные среди них: резко отрицательное отношение общества, как к внебрачным детям, так и к внебрачной сексуальной жизни женщин, всецелое возложение обществом ответственности за появление внебрачных детей на женщин, тяжелое послеродовое состояние и отсутствие необходимой медицинской помощи во время и после родов, низкий уровень развития контрацепции, отсутствие социальной и семейной поддержки, приниженное положение женщины, которое вело к невозможности обеспечить не только содержание ребенка, но и собственное выживание.

Однако выделенные выше причины могут быть одинаково применены к различным историческим периодам, и потому возникает вопрос: почему именно во второй половине XIX–начале XX вв. наблюдается рост показателей по данному виду женской преступности. Для ответа на него требуется дополнительное детальное изучение отдельных случаев подобного преступления на микроуровне. Цель данной статьи – выявить типичные причины и мотивы совершения детоубийства в рассматриваемый период на материалах Тверской губернии.

В историографии по данной проблематике (довольно скудной) явно преобладают работы дореволюционного периода, где на основании обширных статистических данных и анализа реальных дел вопрос изживания детоубийства как преступления разрешался через обеспечение женщинам медицинского обслуживания, изменение отношения общества к одиноким матерям, предоставление женщине возможности зарабатывать на жизнь самостоятельно. При этом и среди юристов, и в общественном мнении⁴ детоубийства рассматривались как преимущественно «женские» преступления. Женщины считались ответственными за сохранение жизни ребенка и в утробе, и после его рождения, в то же время они составляли 98,3 % среди лиц, осужденных за данное преступление⁵.

В советской историографии в связи с тем, что в уголовных кодексах специальная статья за детоубийство отсутствовала, сам феномен был как бы изъят из общественной жизни, следовательно, фактически не изучался ни в исторической ретроспективе, ни в современности.

В современной историографии тема активно разрабатывается не только юристами и медиками, но также психологами, социологами и историками⁶.

---

⁴ Толстой Л. Н. Воскресение. Л., 1970. С. 454. Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Повести и рассказы. М., 1980. С. 170–238.

⁵ Гернет М. Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 123.

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб., 2000. Т. 1; Безгин В. Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880–1920-е гг.) // Право и политика. 2010. № 5; Кургузкина Е. Б. Причины убийства матерью новорожденного // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1998; Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11; Михель Д. В. Общество перед про-

Исследование проводилось с привлечением разных групп источников: мемуаров⁷, художественной литературы⁸, судебных дел⁹, статистических данных¹⁰, в которых не было обнаружено ни одного случая, где в качестве обвиняемого по этому виду убийств выступал бы мужчина, что подтверждает специфичность детоубийств как чисто женских противоправных деяний.

Наиболее рельефно причины детоубийств и мотивы преступниц представлены в уголовных делах. Типичным был случай с найденным в в Твери колодце на Исавцах трупом младенца¹¹. Дело открывается уведомлением от пристава второй части г. Твери об обнаружении трупа младенца, завернутого в юбку с камнем, в церковном колодце.

Расследование большей части преступлений такого вида начиналось с обнаружения трупа младенца, реже с донесения на предполагаемую убийцу, в том числе и поэтому процент раскрываемости этих дел был невысок.

В Тверской губернии количество детоубийств составляло чуть более трети от общего числа «смертоубийств»¹². Динамика этого показателя очень нестабильна, для него характерны резкие перепады. Необходимо учитывать и тот факт, что многие случаи детоубийства не отражались статистикой по различным причинам. Одни не были раскрыты, другие – доказаны: нет мотива преступления, свидетелей, прямых доказательств. Отметим, что среди уголовных дел в окружных судах таких «закрытых за недоказанностью» дел было большинство¹³. Подобная практика не являлась особенностью Тверской губернии¹⁴.

Найденные трупы обычно отправляли для выяснения причин смерти медицинским экспертам, что стало обязательным после принятия закона 1835 г. В делах врачебного отделения много дел об исследовании причин смерти младенцев¹⁵. Так же поступили и с ребенком, обнаруженным в колодце. При первичном осмотре приставом было выяснено, что ребенок был рожден живым и принят медицинским работником в больнице, выводы эти были сделаны на основе перевязки пуповины. В земской больнице у акушерки выяснили, кто из рожавших подходил к дате убийства по срокам, так была найдена виновная девица Агафья Архипова.

блемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 4. Т. 5.

⁷ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903.

⁸ Толстой Л. Н. Воскресение; Толстой Л. Н. Крейцера соната. С. 170–238.

⁹ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961, 3034, 2959, 2982, 3054, 3034, 3507; Ф. 466. Оп. 1. Д. 279, 301, 343, 66385, 66426.

¹⁰ См.: «Обзоры Тверской губернии» за 1895–1914 гг. [Б.м. б.г.]

¹¹ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2959.

¹² Подсчитано автором по «Обзорам Тверской губернии» за 1895–1914 гг. [Б.м. б.г.]

¹³ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961, 3034, 3054, 3133, 3470, 3494, 3505, 3506.

¹⁴ Гернет М. Н. Указ. соч. С. 93.

¹⁵ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 279, 301, 343, 64690, 64805, 66385, 66426, 66819, 66859, 64905, 64921, 66385, 66426.

Подавляющее большинство одиноких служанок, крестьянок или работниц вынуждены были рожать там, где застигли их схватки. Этот факт неоднократно отмечается и в мемуарах, и в уголовных делах. Примером может служить эпизод из воспоминаний судебного следователя Д. А. Скульского, в котором современник точно и емко описывает такие роды: «... крестьянская девица, жившая в работницах, разрешилась тайным плодом любви несчастной: младенца нашли уже мертвым с оторванной пуповиной и с признаками удушья, мать же в бессознательном состоянии, истекающей кровью: несчастной пришлось рожать в жутких условиях, чем всякому животному»¹⁶. Исследования дореволюционных авторов также подтверждали распространенность практики родов в различных хозяйственных постройках¹⁷.

Встретился такой случай и в фонде окружных судов. Особенностью этого дела было то, что крестьянская девица Наталья Феоктистова не собиралась скрывать факт рождения ребенка и его смерти и сама сказала об этом работницам и работникам из соседних усадеб, пришедших к ней в гости, которые и сообщили хозяину Феоктистовой, а он в свою очередь обратился к следователю¹⁸.

Дела, возбуждённые по фактам смерти младенцев, которые погибли, но не были убиты, заканчивались по разному. Уголовное дело Натальи Феоктистовой было закрыто, так как после освидетельствования признаков преднамеренного убийства обнаружено не было, а вот еще один случай из практики Скульского, который по всем признакам подходил под убийство в послеродовом состоянии, а усердный следователь квалифицировал его как преднамеренное убийство¹⁹, причем есть указания на то, что такие случаи не были редкостью.

Ситуация с Агафьей Архиповой была не типичной для рассматриваемого периода. Такие причины как отсутствие условий и медицинской помощи во время и после родов, тяжелое послеродовое состояние, отторжение родственниками отсутствуют, в то же время девушка совершает убийство собственного ребёнка.

По сведениям дела можно выявить некоторые характеристики детоубийцы. Это была девушка девятнадцати лет, русская, православная, неграмотная, незамужняя, самостоятельно зарабатывающая себе на жизнь работой в служанках, ранее не судимая.

Как правило, такие деяния совершаются молодыми женщинами, не имеющими семьи, достаточного материального обеспечения, своего жилья. В большинстве случаев в этих преступлениях где-то на «заднем плане»

---

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 903. Л. 3 об.

¹⁷ Гернет М. Н. Указ. соч.; Глебовский С. Детоубийство в Лифляндской губернии // Вестник общественной гигиены, судебной и криминологической медицины. 1904. № 9–10 и т. д.

¹⁸ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 3034.

¹⁹ Там же. Ф. Р-570. Оп. 2. Д. 901. Л. 45.

присутствует фигура мужчины, не без влияния или не без молчаливого согласия которого совершаются эти преступления. Обычно это сожитель или любовник.

В рассматриваемом случае ребенка Агафья Архипова прижила от крестьянина, служащего на мельнице, Ильи Васильева, который обещал на ней жениться. К сожалению, эта история не стала исключением из правил, так как жених обещания не сдержал и за две недели до родов и убийства ребенка выбыл в свою деревню для вступления в брак с другой девушкой.

Вопреки распространенному мнению о том, что убийства новорожденных детей совершаются чаще женщинами очень молодыми и даже несовершеннолетними, среди уголовных дел было обнаружено два случая, где подсудимыми были женщины в возрасте около 30²⁰ и 60 лет²¹.

Портрет детоубийцы фактически не изменился с пореформенного времени и до Первой мировой войны. За рассматриваемый период не было обнаружено ни одного дела, где обвиняемая являлась представительницей другого сословия, кроме крестьян. Можно согласиться с дореволюционными авторами, которые отмечали, что женщины из привилегированных слоев общества, зачастую достаточно состоятельные, имели возможность скрыть свое «бесчестье» и не попасть «в статистику». Иным из них ничего не стоило уехать за границу, сделать аборт, либо родить и затем тем или иным способом избавиться от ребенка. Тем же объясняется и отсутствие агрессии среди дам высшего общества, порождаемой обстоятельствами жизни и выплескиваемой на окружающих²².

Характерным для Тверской губернии было преобладание преступлений, совершаемых в городе. При выявлении уровня детоубийств в уездных центрах Тверской губернии установлено, что в среднем за девятнадцать лет он в три раза превышал уровень аналогичных преступлений в самих уездах²³. Здесь возникает вопрос о факторах влияния на детоубийство в регионе, требующий дополнительного исследования, ибо, по свидетельству большинства дореволюционных авторов, детоубийства в целом по стране чаще совершались в сельской местности, чем в городах.

Существовала ли альтернатива детоубийству? Представляет, что не только среди представительницы привилегированных сословий, но крестьянки могли при желании не совершать преступления. Например, широко бытовало подкидывание «ненужного» ребенка в семьи или приюты. Способ этот, если верить уголовным делам и художественной литературе, был весьма и весьма распространенным.

---

²⁰ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961.

²¹ Там же. Д. 2982.

²² *Голстой Л. Н.* Крейцера соната. С. 208; *Стаймс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930 гг. М., 2004. С. 255.

²³ Подсчитано автором по данным «Обзоров Тверской губернии» за 1895–1914 гг. [Б.м. б.г.]

В рассматриваемом ранее случае с Агафьей Архиповой подобное намерение очевидно: из документов следует, что она намеревалась отправить младенца в Москву в приют, о чем уведомила сиделку земской больницы²⁴. В другом деле (об утоплении новорожденного младенца крестьянкой Акулиной Спиридоновой²⁵), матерью младенца, Пелагеей Ефимовой, был выбран вариант отправки его в воспитательный дом в г. Осташков, но посредница Акулина утопила дитя в реке якобы без согласования с матерью. Между тем среди посредниц встречались гуманистки, которые хорошо справлялись с возложенными на них «обязанностями». Так, например, глухонемая крестьянка Авдотья Ксенофонтова не однократно была замечена около Ржевского сиротопитательного дома, который она посещала с целью подкидывания чужих детей²⁶. О работе «посредниц» упоминается и в романе Л. Н. Толстого, который сетовал, что мало кто из таких детей выживал: часть умирала по дороге в приют, часть уже на месте²⁷.

Возникает вопрос, почему матери все же прибегали к детоубийству? Факторы, влияющие на данный вид преступления, мотивы его совершения можно условно разделить на четыре группы: физиолого-психологические, культурно-традиционные, социальные и экономические.

Анализ судебных дел показал, что большинство женщин, обвинявшихся в убийстве новорожденных, списывали ответственность за злодеяние на тяжелое физиолого-психологическое послеродовое состояние. Эта причина часто была основополагающей при случайных лишениях жизни младенцев.

Важным было отношение к смерти ребенка в среде, из которой выходила «детогубица» – культурно-традиционные причины поведения. Детская смертность в дореволюционной России была нормальным явлением, к которому и относились соответственно. Уровень рождаемости, как и уровень детской смертности в России в это время был высоким. В крестьянских семьях она находилась на «физиологическом максимуме»: женщина рожала столько раз, сколько позволял ее организм. Не всех детей удавалось выносить, выкормить и вырастить, многие умирали совсем маленькими, поэтому в крестьянской среде факт детской смертности относился к числу заурядных²⁸.

К тому же, согласно православной религии, дети, умершие в младенчестве и еще не успевшие согрешить, сразу попадали в рай. Сироты же, оставаясь без попечения родителей, редко выживали в приютах, а если и выживали, то обрекались на горькую долю: жизненную неустроенность, вечное клеймо незаконнорожденного, ничем не заслуженное осуждение

---

²⁴ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2959. Л. 6.

²⁵ Там же. Д. 2961.

²⁶ Там же. Д. 3054.

²⁷ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 219.

²⁸ Стайтс Р. Указ. соч. С. 227.

общества. Не желая ребенку горькой судьбы, мать могла пойти на убийство. В этой ситуации оно могло показаться более гуманным.

Ослабление патриархального контроля, влияние тенденций городской жизни и смена ценностей также вели к превалированию эгоистического начала и снижению ценности семьи и детей.

Уголовные дела свидетельствуют о повышенном внимании со стороны общества, в том числе крестьянства, к случаям детоубийств. Вот показания свекрови одной из обвиняемых в детоубийстве с рассказом о домашнем «бабьем расследовании»: «... смотрю, а у Пелагеи живот пропал... Бабы смотрели у неё груди. Я и сама видела, что из груди шло молоко, как у только что родившей. Заявили об этом уряднику...»²⁹.

Именно так и было с Агафьей Архиповой, которая скрывала свою беременность даже от матери, а когда живот стал заметен, она прекратила ходить в свою деревню, чтобы скрыть свой позор³⁰. Здесь кроется ответ на вопрос о том, почему женщины предпочитали детоубийство определению ребенка в приют.

При улучшении в пореформенной России постановки полицейской розыскной работы женщина опасалась огласки в том случае, если факт рождения у нее ребенка и отказа от него станет известен. Очевидно, влияло и существование в городах лиц, которые оказывали услуги тайного родовспоможения, что позволяло женщине скрыть не только факт беременности, но и родов. Определение ребенка в приют было рискованным мероприятием, так как рождение ребенка было сложно скрыть. Бывали также случаи, когда посредницу с детьми обнаруживали, и тогда она, недолго думая, указывала на биологическую мать. В таком случае избежать позора было крайне сложно.

В начале XX в. специалисты начали постепенно отходить от апологетического рассмотрения случаев детоубийств, и говорить о «сознательности» выбора, сделанного женщиной. В этой осознанности и заключается трагизм положения женщины-детоубийцы: с одной стороны она допускает или способствует смерти своего ребенка, т. е. не видит возможности жизни с ним; с другой стороны, она часто не до конца осознает последствия такого своего поступка: душевные муки, уголовное наказание, дальнейшее следование по девиантному пути (алкоголизм, проституция) и как следствие полное отторжение общества.

Таким образом, в конце XIX– начале XX вв. причины детоубийств в Тверской губернии были в основном субъективны. К их числу можно отнести обман отца ребенка, культурную дезадаптацию и общественное осуждение. Нельзя сбрасывать со счетов «сознательный» выбор женщины-преступницы. Объективные причины: бытовая неустроенность (многие из

---

²⁹ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 2961. Л. 21.

³⁰ Там же. Д. 2959.

них работали на местных фабриках и жили в казармах), страх потерять работу, тяжелое состояние после родов, социально-экономическая незащищенность подталкивали к поиску быстрого (и на первый взгляд легкого) варианта сложноразрешимого вопроса.

Список литературы:

1. Гернет М. Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911.
2. Глебовский С. Детоубийство в Лифляндской губернии // Вестник общественной гигиены, судебной и криминологической медицины. 1904. № 9–10.
3. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930 гг. М., 2004.

THE INFANTICIDE AS A TYPICAL WOMEN'S CRIME AT THE END OF XIX–BEGINNING THE XX CENTURY IN TVER REGION

A. P. Bogomaz

The Tver State University, chair of a Russian history, Tver

Predominant motives of the woman-infanticide and factors, affecting to such event of pregnancy in Tver region at the end of XIX – beginning of XX century are explored in the article. The author analyses the influence of subjective and objective causes on the committing a crime of infanticide by women.

Keywords: *women's criminality, Tver region, prerevolutionary Russia, infanticide*

Об авторе:

БОГОМАЗ Александра Павловна – магистр истории, аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета ТвГУ.

E-mail: dell6@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.11.2010